

Дел при дворе Хан Сиэнь не касался — и с тех пор, как Цзи Ло приступил к регентству, в тронном зале не появлялся вовсе. Не потому, что был недоволен Цзи Ло. Просто незачем было давать скупающим чиновникам повод цепляться к Наследному принцу, используя его собственные прегрешения в качестве рычага.

Цзи Ло пока ещё только наследник — не государь. А некоторые сановники, возомнившие себя старейшинами, горазды были бы по глупости поставить его в неловкое положение — и непременно начали бы с него, Хан Сиэня.

Такие мелкие неприятности его не пугали. Просто сейчас, когда между ним и Бай Шу установилось хрупкое, почти невесомое равновесие, он не видел смысла тратить силы на возню с теми, чьё время лучше потратить иначе.

После того как между ним и Бай Шу не осталось никаких границ, внешне Хан Сиэнь ничуть не изменился. Всё шло своим чередом: книга на коленях у окна, шахматная доска по вечерам.

Играли они оба одинаково скверно — два безнадёжных игрока, которым нечем было попрекнуть друг друга. Зато Бай Шу каждый раз садился за доску с горящими глазами. А порой, улучив момент, когда противник отвлекался, молниеносно переставлял фигуры или тихонько сбрасывал несколько с доски — и внутренне торжествовал, восхищаясь собственной ловкостью.

Хан Сиэнь никогда его не разоблачал.

В их совместной жизни бросалось в глаза одно: если Хан Сиэнь оставался неизменно спокойным, то Бай Шу заметно оттаял — куда теплее, чем прежде. Он поминутно смотрел на него с какой-то бессмысленной, счастливой улыбкой. По ночам особенно. Впрочем, не переходил черты — прекрасно помня, что здоровье Хан Сиэня, пусть и поправившееся за последние годы, не терпело лишнего.

Бай Шу просто любил наблюдать, как тот теряет хладнокровие — как чуть сбивается дыхание, как в глазах мелькает что-то живое.

В такие моменты он смеялся про себя. И иногда вспоминал тот день, когда впервые открылся — и услышал отказ. Тогда он сказал: если Хан Сиэнь полюбит другого, он уйдёт и будет смотреть, как тот проживает чужую жизнь.

Теперь Бай Шу понимал: говорил так лишь потому, что ещё не знал, каково это — быть для него своим. Теперь, когда узнал, когда почувствовал это изнутри — не пустил бы рядом никого. Никого и ни на вершок. Что именно он сделал бы — Бай Шу предпочитал не додумывать.

Эти мысли с тёмным привкусом он прятал глубоко, не давая им всплыть. Хан Сиэнь не должен был о них знать.

Узнав всё же — отнёсся спокойно.

Просто ревность. Та, что водится между близкими людьми.

В тот день небо было безоблачным — редкая удача для этого времени года. С самого утра Хан Сиэнь распорядился собирать вещи. Бай Шу наблюдал за суетой прислуги, напоминавшей переезд, и молчал — не спрашивал.

Когда всё было готово, Хан Сиэнь обернулся к нему и сказал просто:

— Я хочу свозить тебя в одно место.

Бай Шу только теперь сложил всё воедино. Они едут далеко.

Он позволил усадить себя в экипаж, не возражая. Зима выдалась студёная; верхом он ездил отменно, но покачиваться рядом с нужным человеком в тепле — это тоже своя радость.

Ехали долго. Судя по всему, давно миновали городские ворота. Куда — Бай Шу не знал. Хан Сиэнь не говорил, он не спрашивал.

Когда экипаж остановился и они вышли, Бай Шу увидел перед собой усадьбу. Посмотрел на спутника с немым вопросом в глазах.

Ответ пришёл не сразу — лишь тогда, когда они устроились и Хан Сиэнь повёл его в дальний угол усадьбы, где в закрытой каменной комнате клубился пар над горячим источником.

Бай Шу всё понял.

Одна случайная фраза — брошенная невзначай, без умысла. А этот человек запомнил. Разыскал среди зимы усадьбу с термальным источником и привёз его сюда.

Что-то сжалось в груди — будто сдавили в кулаке.

Купаться в горячем источнике зимой — особое удовольствие. Друг от друга у них давно не было тайн, поэтому ни смущения, ни неловкости — только тепло.

Хан Сиэнь слышал, как в душе у Бай Шу что-то звенит, и сухо кашлянул:

— Усадьбу дал Наследный принц. Если нравится — хорошо.

Бай Шу поднял на него взгляд, и голос чуть осип:

— Нравится.

Про себя подумал: прежде Цзи Ло никаких усадеб не жаловал. Что вдруг? Да ещё с источником. — Если бы Хан Сиэнь не попросил, Цзи Ло бы и не вспомнил.

Вслух этого не сказал. Вместо этого произнёс:

— Хан Сиэнь. Ну почему ты такой хороший.

И, не дожидаясь ответа, скользнул сквозь тёплую воду к нему — и потёрся щекой о плечо.

Хан Сиэнь не устоял. Их возня в источнике кончилась тем, чем кончалась. Бай Шу в какой-то момент сам поднялся и сел, не думая, — в паре над водой, с затуманенным взглядом, ресницы мокрые, что-то нежное и живое в лице.

Потом они долго лежали в тепле, пока дыхание не выровнялось. Оделись. Вышли.

Прислуга в усадьбе всё понимала без слов.

Это были люди, которых когда-то купил Цзи Ло — он тогда сам предложил: если Хан Сиэню неудобно, заберу их и пришли своих. Хан Сиэнь отмахнулся — ему было всё равно, кто прислуживает, — и оставил всё как есть.

Когда они вернулись в покои, страж доложил: дворня просится засвидетельствовать почтение новым хозяевам.

Ни тот ни другой возиться с церемониями не хотели. Не выходя из комнаты, велели всех отпустить.

Страж ушёл — и почти сразу вернулся с подносом изящных сладостей. Помялся, потом всё-таки негромко сказал:

— Господин, там снаружи пожилая женщина. Говорит — знакомая. Хочет войти, отбить поклон.

Хромает на одну ногу. Лицо усталое, но в глазах — благодарность. Говорит, что господин спас ей жизнь.

Будь это кто другой, страж и докладывать бы не стал. Но что-то в этой женщине напомнило ему мать, да и слова о господине звучали искренне. Вот и решил упомянуть — а там как знает.

Хан Сиэнь помолчал.

— Иди скажи ей: жизнь свою она сохранила сама. И я ей не старый господин и не хозяин — её настоящий господин уже вернулся. Если когда-нибудь случай выйдет, пусть едет в столицу и бьёт поклон там.

Страж выслушал эти слова, которые, казалось, требовали отдельного объяснения, и пошёл передавать.

Вскоре из-за двери донеслось приглушённое всхлипывание и стук лба о пол.

Хан Сиэнь оставался спокоен.

Это была Цзюй Жо — единственная выжившая из тех служанок, которых Поместье маркиза Цзинго некогда прислало в Герцогское поместье Хань.

Годы у неё выдались тяжёлые: муж — жестокий, жизнь — сплошные тумачи и унижения. Выжила ради сына — тот, к счастью, вышел не в отца. Этот сын и держал её на свете.

Хан Сиэнь упомянул о ней Цзи Ло вскользь, когда они уже стали ближе. Цзи Ло устроил всё сам: женщину укрыли здесь, в усадьбе; муж её отправился в государственную тюрьму и больше не выйдет.

Для неё, нынешней Цзюй Жо, Хан Сиэнь хозяином не был. Той встречи можно было и не устраивать.

Зато в Поместье маркиза Цзинго, вероятно, найдётся кто-то, кто будет рад её видеть. А его слова давали ей на это право.

Бай Шу не знал, о чём думает Хан Сиэнь. Просто подошёл и взял его за руку.

Хан Сиэнь вернулся мыслями обратно. Поднял глаза:

— Устал?

Бай Шу чуть порозовел. Покачал головой.

Хан Сиэнь улыбнулся — негромко, лицом.

Они собирались пробыть в усадьбе до нового года. Еда простая, быт без затей — ни тому ни другому не в тягость. Главное — тишина, которую оба ценили одинаково.

Но до новогодних праздников не дотянули: пришло письмо от Цзи Ло. Государю стало хуже. Просит немедленно вернуться.

Хан Сиэнь подумал о том, как Государь относился к нему все эти годы, — и они с Бай Шу выехали в тот же день.

Ещё не успев навестить больного, он получил императорский указ.

Государь жаловал Хан Сиэню и Бай Шу свадебный указ о браке.

Столица взорвалась.

Двое мужчин — это само по себе, по мнению общества, было делом постыдным, которое следовало хранить в тайне. Но Государь открыто скрепил это печатью. Что же теперь — всем позволено так жить? Большого безобразия при дворе, казалось, не слышали.

Гражданские и военные чиновники, не сдержавшись, опустились на колени перед покоями Государя — толпой, плечо к плечу — и умоляли отозвать указ.

Государь их не принял. Вместо этого послал Юань Бао.

Евнух вышел, обвёл взглядом коленопреклонённых и произнёс:

— Господа, Государь просил передать следующее. Когда маркиз Вечного Покоя обратился с просьбой о свадебном указе, он сам поставил условия: если ему и молодому господину Баю позволят сочетаться законным браком, то по прошествии их жизни титул маркиза возвращается двору, а всё имущество поместья отходит в государственную казну. Помимо этого, маркиз не намерен усыновлять наследника, а значит — по смерти не будет удостоен поминальных жертв потомков. Государь счёл, что подобное решение обнажает чистоту сердца перед небом и землёй, — и согласился. Если же среди мужчин Великой Чжоу найдутся другие, готовые принять те же условия, Государь рассмотрит и их просьбы.

Чиновники переглядывались. Никто не знал, что и думать о Хан Сиэне — умён он или безрассуден.

Особенно задела их одна вещь: нет наследников — значит, некому будет совершать жертвоприношения. Для них это означало вечное посмертное унижение. Недаром в это время столько людей брало в дом наложниц — лишь бы не умереть без сына, лишь бы в подземном мире не оказаться забытым. А этот поступал так, будто всё перечисленное его не касалось вовсе.

Юань Бао не стал ждать, пока они придут к общему мнению. Сказал холодно:

— Господа сановники, Государь нездоров. Не стоит беспокоить его по таким пустякам. Разойдитесь.

Кто-то хотел возразить — но сосед дёрнул за рукав и удержал. В конечном счёте это было личным делом Хан Сиэня. Он сам выбрал такую цену. Что тут скажешь.

По обычаю, маркиз без наследника лишается титула — то есть в итоге всё равно возвращается к тому же. Это, казалось бы, должно было радовать. Но нет — на душе у всех было неприятно.

Наверное, потому что им оставалось только судачить за спиной. Хан Сиэнь же сплетен не боялся — и не удостаивал их даже взгляда.

В Поместье маркиза Вечного Покоя Бай Шу держал в руках свадебный указ — и не мог выдохнуть. В голове — пусто. Он смотрел на Хан Сиэня, не моргая, как человек, которому внезапно попала молния.

Хан Сиэнь тихо смотрел в ответ. Уголки губ медленно приподнялись.

Сердце у Бай Шу колотилось. Всякий раз, когда ему казалось, что лучше уже некуда, — этот человек делал ещё один шаг. И ещё один.

Бай Шу моргнул. Подумал: как он вообще может быть таким?

— Не нужно так смотреть, — спокойно сказал Хан Сиэнь. — То, что у других людей есть по праву, — законный, открытый союз — я дам тебе тоже. Всё, что в моих силах.

Бай Шу шмыгнул носом. Глаза защипало, покраснели.

Хан Сиэнь смотрел на него молча. Потом медленно поднял руку и провёл ладонью по его голове — тихо, как гладят того, кого хотят утешить.

Бай Шу обхватил его руками за пояс. Уткнулся лбом в шею. Долго молчал. Потом произнёс — хрипло, почти неслышно:

— Хан Сиэнь. Я буду относиться к тебе лучше, чем ты ко мне. Обещаю.

Хан Сиэнь тихо отозвался. А потом негромко рассмеялся — от слов, которые звучали взросло, но пахли детством.

Раз указ был дан — тянуть незачем. Через два дня Хан Сиэнь велел накрыть в поместье два стола и разослал приглашения тем немногим, с кем действительно был близок. Пусть будут свидетелями.

Пышного пира не устраивал — в столице искренних друзей у него было немного, так что и незачем. Зато от имени Поместья маркиза Вечного Покоя распорядился раздавать лепёшки горожанам — целый месяц.

В день свадьбы пришли Цзи Ло, Старая госпожа Ван из Поместья маркиза Цзинго с домашними и семейство из Поместья уездного князя Юна.

Старая госпожа Ван этот союз не одобряла — и одобрить не могла. Но понимала: не её место поднимать голос. Когда пришло приглашение, она приняла его — с достоинством старшей в роду, которая принимает то, что есть.

Госпожа Чжан из второй ветви и Госпожа Вэнь из третьей, которые с трудом наскребли серебра на выкуп из государственной тюрьмы, — услышав новость, за закрытыми дверями осыпали Хан Сиэня самыми чёрными проклятиями. Ведь он не только живёт с кем хочет — он ещё и закрыл им всякую лазейку: титул после смерти вернётся двору, а значит, подсунуть ему приёмного ребёнка в обмен на будущий маркизат уже не выйдет.

Госпожа Лю обронила, что это неприлично, — и была остановлена Хан Юэвэнем одним взглядом.

Хан Юэвэнь понимал: его появление на свадьбе было бы неуместным. Но всё равно попросил Чжао И подобрать лучший из возможных подарков и переслать в Поместье маркиза Вечного Покоя. Не знал, возьмут ли. Но отправил.

Хан Сиэнь принял.

Свадьба получилась скромной — ни длинных обрядов, ни долгих церемоний. Но им обоим это было не нужно.

В этот день они появились перед гостями вместе. Без покрывал, без того, чтобы один вёл другого. Рядом. Равные.

Когда Хан Сиэнь и Бай Шу в красных одеждах опустились на колени, чтобы совершить свадебный поклон, — Хан Сиэнь был сосредоточен и серьёзен. Он прожил несколько жизней. Этот обряд он совершал впервые — и совершал его с полным сердцем.

Он не умел баловать. Не знал, как это делается. Поэтому выбрал самый простой путь: давать то, что считал лучшим, и то, чего хотел другой.

Бай Шу в тот день выпил много — две кувшина, один за другим. Он был счастлив. Когда они оказались вместе, он уже считал это удачей — больше, чем мог ожидать. Мысли о законном браке, об открытом союзе при свете дня — никогда не допускал их в голову. А уж о наследнике — и подавно не думал. Кроме Хан Сиэня, никого не хотел. Сам родить не мог. Значит, так тому и быть.

Свадебная ночь была тихой и долгой. Бай Шу держал его крепко — не отпускал. В какой-то момент из угла глаза скользнула слеза. Он всё равно не отпускал — будто хотел, чтобы их больше никогда не разнять.

На следующее утро они проснулись поздно. Оба были голодны; прислуга всё поняла заранее и давно всё приготовила.

После завтрака Хан Сиэнь сказал:

— Пойдёшь со мной во дворец.

Бай Шу поднял голову:

— Мне туда удобно? Государь меня не жалуёт, ты знаешь. Не хочу тебя затруднять.

— Не беспокойся, — ответил Хан Сиэнь негромко. — Раз Государь издал указ именно сейчас — значит, принял решение. Значит, хочет тебя видеть.

Бай Шу кивнул.

В покоях Государя пахло лекарствами и благовониями вперемешку — густо, до тошноты. Цзи Ло был уже здесь, сидел рядом с постелью.

За зиму Государь усох: исчез живот, щёки ввалились, дыхание давалось с трудом.

Увидев вошедших, он с усилием приподнялся.

Бай Шу он удостоил нескольких сдержанных слов — для виду. Потом сказал:

— Наследный принц и молодой господин Бай пусть выйдут. Хочу поговорить с Хан Сиэнем наедине.

Цзи Ло и Бай Шу поклонились и вышли. Следом удалился Юань Бао. В огромном зале остались двое.

Государь посмотрел на Хан Сиэня — и в голосе прорезалась сварливая нота:

— Доволен теперь?

— Благодарю Государя, — произнёс тот ровно.

Государь слабо махнул рукой:

— Не за что благодарить. Честно говоря, когда ты пришёл с этой просьбой — я едва не велел казнить вас обоих.

Хан Сиэнь промолчал — и чуть улыбнулся.

Государь смотрел на эту улыбку, и взгляд его стал рассеянным.

Он и правда не собирался давать указ. Казалось ему — нелепость. Но в последние недели, пока болел, ему снился Ван Ин. Снова и снова — тот смотрел на него с разочарованием, а он тянулся к его руке и не мог дотянуться.

В конце концов Государь решил: пусть. Пусть будет у Хан Сиэня. Если он сам не даст — Цзи Ло, взойдя на трон, всё равно даст. Так уж лучше самому. Да и пусть это останется на его счёту — не на счёту у сына.

Цзи Ло он и без того задолжал немало. Пусть хотя бы начало его царствования будет без лишнего.

Государь закашлялся. Что-то жгло в груди. Он прикрыл сердце ладонью и медленно лёг.

Кто-то подоткнул одеяло. Государь поймал эту руку — прохладную — и едва слышно позвал:

— Ин-эр...

Ему казалось, что говорит громко. На самом деле шевельнулись только губы — ни звука.

Хан Сизнь посмотрел на эту руку. Потом осторожно высвободил её.

— Государь, — произнёс он негромко. — Ваш слуга — не Императорский благородный супруг.

Государь открыл глаза. Посмотрел с раздражением. Подумал: умираю почти — неужели нельзя было хоть раз сказать что-нибудь приятное, порадовать напоследок.

Хан Сизнь сказал тихо и серьёзно:

— Государь, я не знаю, о чём вы думаете. Но если вы так больны от тоски по нему — он бы, наверное, не захотел видеть вас вот таким.

Он понимал: болезнь Государя была болезнью души. Тот сломался под весом собственного малодушия — позволил когда-то случиться тому, чему не должно было, а потом ещё полтора десятка лет держал сына на расстоянии вытянутой руки, наказывая его за чужую боль. Когда правда вышла наружу — лицом не показал ничего. Но внутри — жгло, не отпускало.

Всё мерещилось: Ван Ин смотрит. Ван Ин разочарован. Ван Ин на Мосту Беспомощности ждать не станет.

А Цзи Ло — пусть и не подавал виду — не отпустил отца полностью. И вот всё это слилось в одно, осело камнем — и стало болезнью.

Сердечную хворь лекарствами не берут.

Государь от этих слов почувствовал, как что-то сжалось в груди. Поднял руку. Рот открылся без звука — но губы отчётливо сложились в одно слово: «Вон».

Хан Сизнь покинул покои без возражений.

У дверей Бай Шу о чём-то расспрашивал Цзи Ло — о горячем источнике, кажется. Увидев Хан Сиэня, расплылся в улыбке — той самой, которая всегда выходила у него некстати и которую он не умел прятать.

То ли от разговора с Хан Сиэнем, то ли от боли в груди — сказать наверняка невозможно, — но едва Государь остался один, как у него пошла горлом кровь. Юань Бао, войдя, взвизгнул и бросился вызывать лекарей. Весь дворец поднялся на дыбы.

К счастью, Государя удалось спасти. Иначе Хан Сиэню суждено было бы прославиться как человеку, уморившему Государя словом.

Придя в себя, Государь продиктовал указ: по состоянию здоровья слагает с себя полномочия и передаёт трон Наследному принцу Цзи Ло.

<http://bllate.org/book/20088/2002118>